

Гендерный аспект советских социальных реформ на Чукотке в первой половине XX в.

Людмила Хаховская

Gender Aspect of Social Reforms in Chukotka in the First Soviet Decades

Lyudmila Khakhovskaya

*(N.A. Shilo North-East Interdisciplinary Scientific Research Institute,
Far East Branch of Russian Academy of Sciences, Magadan)*

В современной российской историографии особое место занимают научные работы, выполненные в ключе женской и гендерной истории — исторической феминологии¹. Исследование «женского лица» прошлого России проливает свет на проблематику, которая ещё совсем недавно казалась малозначимой или не подлежащей публичному обсуждению. Прежде всего это касалось положения представительниц слабого пола, наиболее проявивших себя в историческом процессе в силу их высокого социального положения, доминирующей этнической принадлежности, ранней и активной вовлечённости в политическую жизнь². Однако сегодня происходит процесс обогащения предметной области этой новой исторической дисциплины и за счёт изучения жизнедеятельности женщин «северных цивилизаций» (коренных малочисленных народов Севера), ранее находившейся преимущественно в поле зрения этнографии (социокультурной антропологии)³. В данной статье речь пойдёт о переменах социального, бытового, личного и мировоззренческого характера, которые происходили в жизни коренных жительниц Чукотки под влиянием осуществлявшихся в стране преобразований второй половины 1920-х — начала 1950-х гг.

Этот хронологический отрезок времени в истории Чукотки (в отличие от других регионов страны) можно считать первоначальным советским периодом, поскольку значимые экономические, социальные и культурные изменения наступили во второй половине XX в. Хотя в этом крае советская власть была установлена в мае 1923 г., но реальная реформистская деятельность началась лишь во второй половине 1920-х гг.⁴; к коллективизации аборигенных хозяйств приступили в 1928 г., но завершили её только к 1955 г. (ещё в 1946 г. основная масса чукотских оленеводов состояла из единоличников). Поэтому для данного региона рассматриваемый период — время не столько выраженной исторической динамики,

© 2018 г. Л.Н. Хаховская

¹ См., например: *Пушкарёва Н.Л.* Женская и гендерная история: итоги и перспективы развития в России // Историческая психология и социология истории. 2010. № 2. С. 51–64.

² *Белова А.В.* Женская дворянская повседневность в контексте гендерно чувствительной социальной истории // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. История России. 2007. № 2(8). С. 5–14; *Кайдаш С.Н.* Любовь и долг: женские силуэты русской истории. М., 1990; *Пушкарёва Н.Л.* Частная жизнь русской женщины: невеста, жена, любовница (X — начало XIX века). М., 1997.

³ *Доржеева В.В.* Женщины северной цивилизации. Магадан, 2009.

⁴ *Хаховская Л.Н.* Морские зверобои Чукотки в период первоначальных советских реформ // Этнографическое обозрение. 2012. № 6. С. 169.

сколько локальных подвижек, в большей степени проявленных в культурных различиях между оседлым (береговым) населением и оленеводами тундры.

Основным источником настоящего исследования стали материалы Государственного архива Магаданской области — отчёты, доклады и стенограммы конференций, пленумов, заседаний бюро партийных организаций окружного и районного уровней и советских организаций, переписка партийных лидеров и представителей органов власти по широкому кругу вопросов. Использованы также документы Государственного архива Российской Федерации по Чукотке — статистические сведения и отчёты землеустроительных экспедиций.

Со времени упрочения на Чукотке советской власти в её масштабном проекте социальных реформ прослеживается значимая гендерная составляющая. Местная администрация признавала важность работы среди женщин-аборигенок, ведь, как заметил один из партийных руководителей, «женщины... составляют 50% населения»⁵. Численность же коренных жителей была тогда стабильной. Известно, что на начало 1932 г. в регионе проживали 13,7 тыс., а 1948 г. — 14,1 тыс. аборигенов. Основную часть населения (соответственно и женщин) составляли кочевники (свыше 70%)⁶. Детальные сведения о демографическом и социальном облике аборигенок отсутствуют. Однако для преобладавшего в то время традиционного уклада были характерны высокая доля лиц молодых возрастов, их раннее вступление в брак, замужнее состояние практически всех (за редким исключением) взрослых женщин, а также неграмотность их подавляющего большинства. Эти обстоятельства существенно повлияли на то, как эти женщины воспринимали попытки советской власти изменить их устоявшуюся жизнь.

В целом аборигенки рассматривались как некая ущемлённая, маргинальная и бесправная часть традиционного социума, поэтому власть поощряла любую их активность, выходящую за пределы обыденности. Модернизация чукотского общества и была направлена на разрушение прежнего гендерного порядка, поскольку многие его институты и практики шли вразрез с внедрявшимися социальными нормами.

Деятельность реформаторов первых советских десятилетий в сфере социальной и повседневной жизни преследовала две взаимосвязанные цели: эмансипацию аборигенок и их дисциплинирование (формирование у них новых стандартов чистоты, опрятности, образованности, желаемого общественного, семейного и личного поведения). Кроме того, урегулированию подлежали вновь возникавшие грани гендерного вопроса, вызванные тем, что на чукотских женщин теперь было направлено не только служебное, но и сугубо человеческое внимание приезжих, в основном мужчин. Создавалась ситуация конкуренции, осложнённая переплетениями властных, межэтнических и личностных взаимоотношений в мужской среде и потому чреватая коллизиями и аффектами.

Стимулирование социальной и экономической активности

Социальная эмансипация и вовлечение женщин в общественную и экономическую жизнь края в первую очередь начались в его прибрежных районах и не сразу проникли в тундру, к кочевникам-оленеводам. Именно в береговых поселениях располагались первые учреждения советской власти, охватившие своей

⁵ Государственный архив Магаданской области (далее — ГА МО), ф. П-355, оп. 4, д. 18а, л. 4.

⁶ ГА РФ, ф. Р-3977, оп. 1, д. 771, л. 7; д. 819, л. 45; ГА МО, ф. П-22, оп. 1, д. 339, л. 2; д. 2, л. 33.

деятельностью проживавших в окрестностях чукчанок и эскимосок. Поэтому и влияние советских модернизаций в различных местностях было неравномерным. Наиболее передовым в этом отношении являлся Чукотский район — именно там открылась первая культурная база (основана в селе Лаврентия в 1928 г.)⁷, активно работавшая с женским контингентом. Сотрудники этой организации задались целью: «отсталую женщину-туземку подтянуть в политическом уровне к женщине материковой»⁸.

Важной пропагандистской акцией культбазовцев стало приобщение аборигенок к новому советскому празднику — 8 Марта. В этот день на культбазу в течение нескольких лет приглашались представительницы (делегатки) ближайших селений — Яндогай, Пинакуль, Нунямо, Аккани, Лорино и др. Контакты с аборигенками строились таким образом, чтобы задействовать предполагаемую межэтническую гендерную солидарность: «праздник провести исключительно гостеприимным со стороны наших женщин и по возможности разместить этих делегатов по своим квартирам. Это будет иметь громадное значение для туземок. Праздник провести под лозунгом: “русские женщины приглашают туземок к себе на праздник”»⁹.

Это мероприятие, как правило, начиналось с торжественной части, разъяснявшей смысл праздника, далее следовали беседы о школе и воспитании детей, о здоровье матери и ребёнка, а завершалось всё организованными экскурсиями по школе, кооперативу и больнице. Характерно, что на другой чукотской культбазе, построенной в 1933 г. в отдалённом Чаунском районе, основное население которого составляли кочевники, первый раз 8 Марта с участием аборигенок отметили только в 1938 г. И если для береговых жителей школьное образование, обращение в больницу к тому времени стали уже привычными, то кочевники с опаской воспринимали эти нововведения (например, не хотели отпускать детей в школу и «дрались» за каждого ребёнка и подростка).

Обучение через школы и ликбезы стало основным каналом формирования желаемого чукотского общества, поскольку наряду с основами грамоты обучавшимся прививали новые идеи и представления. Именно из этих людей рекрутировали активистов в комсомольскую и партийную организации, подбирали работников для советских, хозяйственных и партийных учреждений. В начале советского периода политический активизм затронул в гораздо большей степени мужчин, чем женщин. Лишь немногие из них выдвигались на советскую работу, вступали в ряды ВЛКСМ, в группы сочувствующих ВКП(б). Например, в Чаунском районе в 1937 г. из 14 членов такой группы были только две представительницы слабого пола — Ечин и Рультенеут. Но и их «путь в активистки» оказался не вполне самостоятельным, так как они шли вслед за мужьями, сторонниками новой власти¹⁰.

«Подтягивание» идейного и культурного уровня чукотских женщин осуществлялось также путём прикрепления к советским организациям (школам, факториям, культбазам, национальным советам). Там местные жительницы выполняли

⁷ Культурная база (культбаза) — комплексная организация, состоявшая из учреждений, задачей которых являлось преобразование жизни и хозяйства северных аборигенов; в её состав входили школа-интернат, больница, Дом туземца, краеведческое бюро, зооветеринарный пункт, собачий питомник и др.

⁸ ГА МО, ф. П-12, оп. 1, д. 5, л. 158.

⁹ Там же, д. 4, л. 23; д. 10, л. 2.

¹⁰ Там же, ф. П-355, оп. 4, д. 13а, л. 60.

несложную работу, при этом могли обучаться и повышать свой трудовой статус до поваров, воспитателей, санитарок, помощниц фельдшера. В 1933 г. на Чукотке была создана иерархически организованная сеть женсоветов, соответствующая советским институциональным и территориальным структурам. Важными задачами этих органов власти стали устранение гендерной асимметрии начавшихся процессов коренизации аппарата и призыв женщин во власть, однако заметные изменения в этой сфере наступили лишь в 1960-х гг.¹¹

Препятствием активному вовлечению чукотских женщин в советскую экономику оказалась традиция: их труд, преимущественно домашний, обслуживающий, был слабо сопряжён с производством, нацеленным на внешние связи. В товарных доходах всего коренного населения наибольшее значение имел пушной промысел, для береговых жителей были также важны каючество и резьба по кости, но всем этим занимались исключительно мужчины. На продажу женщины могли шить только рухлядь¹², но этот промысел в доходах домохозяйств стоял на последнем месте¹³, к тому же свободное время для него могли найти лишь береговые жительницы, а не постоянно занятые кочевницы.

Цель первых экономических мероприятий в отношении аборигенок состояла как раз в том, чтобы заинтересовать их шить побольше рухляди для её реализации торгово-закупочным организациям. Поскольку этим домашним промыслом местные женщины занимались и раньше, новация советской власти заключалась в том, чтобы коллективизировать их труд, создав некое подобие артелей. Весной 1929 г. сотрудники Чукотской культбазы организовали женские пошивочные группы в селах Наукан и Дежнёв. Науканская группа первое время действовала довольно успешно, до конца года она сдала в факторию 68 пар меховых тапочек и около 200 пар торбасов¹⁴. Однако артели существовали лишь формально: в действительности женщины продолжали шить надомно, поодиночке, кооперация и сотрудничество между ними отсутствовали. В последующие годы, когда практически всё береговое население Чукотки было охвачено коллективизацией, значение пошивочных артелей и вовсе сошло на нет. Изготовление меховых вещей (за редким исключением) не вышло за пределы собственных нужд колхозов и не стало сколько-нибудь прибыльным делом.

Актуальная для первых лет советской власти задача — вовлечение аборигенок в мужские сферы занятости в качестве пастухов, охотниц на пушных зверей и даже на морских животных («привлекать женщин к работе в оленеводческих бригадах пастухами, выдвигать их бригадирами, учётчиками, создать женские молодёжные бригады, учить охотпромыслу»)¹⁵ — не ушла с повестки дня и к началу 1950-х гг. («мы очень мало привлекаем [женщин] к труду в колхозе, не готовим их к мужским профессиям на охотников, рыболовов, пастухов»)¹⁶. Со стороны властных органов заинтересованность в такого рода гендерной трудовой

¹¹ Характерно, что «первыми лицами» Чукотки — председателями Окружного исполнительного комитета (эту должность всегда занимали аборигены) — до 1961 г. были исключительно мужчины, и лишь затем — женщины (*Хаховская Л.Н.* Тэгрынкеу: чукотский бунтарь или жертва? // Вопросы истории. 2012. № 8. С. 146).

¹² Рухлядь — изделия из мягких материалов (кожи, меха), которые пользовались спросом у пришлого населения: обувь, верхняя одежда, тапочки, коврики и др.

¹³ *Хаховская Л.Н.* Морские зверобои Чукотки... С. 174.

¹⁴ Торбаса — обувь из меха, снятого с ног оленя (камуса), с подошвой из кожи морского животного (лахтака); ГА МО, ф. П-12, оп. 1, д. 6, л. 36.

¹⁵ Там же, ф. П-355, оп. 1, д. 48, л. 21.

¹⁶ Там же, д. 37, л. 86.

инверсии была двоякой. Во-первых, социалистический аграрный сектор нуждался именно в этих кадрах — хроническая нехватка пастухов преследовала оленеводческие коллективные хозяйства с момента их создания. Государству также требовалось как можно больше продаваемой за валюту пушнины, поэтому круг охотников стремились расширить за счёт любых слоёв населения, в том числе женщин и подростков.

Во-вторых, считалось, что трудовая переориентация поможет социальному преобразению аборигенов, воспитает в них активность и самостоятельность. Примеры успешного участия женщин в профессиональном (т.е. постоянном) пастушестве, наземной и морской охоте действительно отмечены; наиболее заметными они были в пушном промысле. В 1944 г. среди 288 охотников Чаунского района насчитывалось 10 женщин. В пушной добыче отличились чукчанки Памьяна и Рахтына, которые наряду с мужчинами получили премии, а их портреты поместили на доску почёта¹⁷. Некоторые из охотниц даже становились знаменитостями, как, например, Герой Социалистического Труда Клара Каляна¹⁸.

И всё же сначала лишь небольшая часть аборигенов получала весомое и финансово ощутимое общественное признание своих трудовых достижений в традиционном природопользовании. Рутинный повседневный труд местных женщин был настолько вплетён в колхозное производство, что становился «невидимым» и воспринимался как естественная форма существования, не подлежащая учёту и оплате. Такое положение дел касалось тех, кто разделявал животных, обрабатывал кожу и мех, занимался пошивкой одежды для родственников. Но и в рамках колхозных бригад, где женский труд учитывался, он имел обслуживающее, вспомогательное значение, оплачивался намного ниже, чем мужской. К тому же аборигенки были обременены детьми, домашним хозяйством и не всегда могли участвовать в колхозных делах: «Большая часть колхозников и главным образом женщины имеют мало трудодней, следовательно доходы получают низкие и терпят постоянно материальную нужду»¹⁹. Так что обрести финансовую самодостаточность в традиционных отраслях экономики чукчанки и эскимоски не могли.

В тундре существовала своя специфика, ущемлявшая интересы женщин-кочевниц: они не сразу стали получать вознаграждение за свой «естественный» труд, а только после введения штатных единиц — чумработниц²⁰. Однако такой шаг повлёк за собой новую коллизию — наличие «лишних женщин» в тундре, поскольку на каждую оленеводческую бригаду полагалось лишь 2–3 новых ставки. Тем не менее в бригадах женщины «работают целыми днями наравне с чумработницами: помогают кочевать, выделявать мехсырьё, шьют меходежду для мужей-пастухов, готовят пищу, разделявают оленей, вымораживают весь день полог, готовят дрова, а их труд не учитывается»²¹. Перед этими кочевницами вставала дилемма: оставаться в тундре с мужем (отцом, братом) и работать бесплатно или же переехать в село и там найти работу. Выбор всё чаще склонялся в пользу оседлости, к чему призывала и официальная пропаганда. Это стало одной из

¹⁷ Там же, оп. 2, д. 25 об., 45.

¹⁸ Правда, произошло это несколько позже — в 1960 г.

¹⁹ ГА МО, ф. П-355, оп. 1, д. 34а, л. 15.

²⁰ Чумработница — штатная единица оленеводческой бригады; чукотские оленеводы жили в ярангах, а не в чумах, но по всей стране за образец была взята номенклатура штатного состава колхозов, где трудились оленеводы-коми.

²¹ ГА МО, ф. П-22, оп. 1, д. 531, л. 1.

причин исхода женщин из тундры и означало начало процесса гендерного сдвига²² в чукотском обществе.

Борьба за новый быт

Социалистическому преобразованию быта на Чукотке местные советские и партийные работники придавали большое значение. На общественных началах этим делом вплотную занялись женские советы: из своего состава они формировали санитарно-бытовые комиссии, в задачу которых входил контроль за повседневными домашними делами. От аборигенок-домохозяек добивались содержания своих жилищ в чистоте, правильного, с точки зрения европейцев, ухода за детьми, овладения новыми навыками приготовления пищи, а также обретения надлежащего внешнего вида. Внедряемый советскими сотрудниками облик чукотской женщины предписывал ей становиться всё более европейской, а привычное поведение остро критиковалось: «В колхозе [“Путь к коммунизму”]²³ все женщины, за исключением актива, носят только меходежду. Натальным бельём, мылом не пользуются, лицо, руки не моют, за чистотой детей также не следят»; «в [некоторых] женсоветах... совершенно ничего не сделано по переустройству быта. В ярангах процветает грязь, сами женщины не умываются и не умывают своих детей, до сих пор в своих ярангах ходят совсем голые, хотя у них есть полная возможность приобрести верхнюю одежду и нательное бельё»²⁴.

Советские реформаторы стремились эстетически перевоспитать местных женщин, побудить их взглянуть на традиционный быт по-новому, привить иные вкусы и модели поведения. Настоящая культурная битва развернулась против традиционного жилища берегового населения. С точки зрения медицины, стационарной яранге был вынесен приговор: «Это очаг антисанитарных условий, вредящих здоровью и жизни человека. Принято говорить, что куда редко заглядывает солнце, туда часто заглядывает врач — в ярангу даже никогда не заглядывает северное солнце. Воздух в яранге, в пологе загрязнён до предела, насыщен перегаром от жирников, дыханием людей, накопления водяных паров, а притока свежего воздуха нет»²⁵.

Ярангу признали неудовлетворительной и в социальном плане — она являлась воплощением культурной отсталости. Но процесс замены этих жилищ на домики растянулся на 30 лет, поэтому для низовых органов власти, по крайней мере до середины 1950-х гг., актуальными оставались задачи: «улучшить, благоустроить жилищный очаг — ярангу; утеплить её путём устройства засыпки или обкладки стен дёрном; в пологах иметь естественный свет (окошко); установить там, где имеется топливо, железные печки; внедрять культурные навыки по приготовлению пищи, пошивке белья и соблюдению элементарных правил гигиены»; «надо, чтобы в ярангах устраивались окна, двери, пол, печи, столы, шкафы для посуды, койки, чтобы шкуры оклеивались бумагой или обоями, а стены украшались портретами и картинами»²⁶. В тундре взамен громоздких съёмных яранг также планировалось построить более приемлемые для поддержания

²² О гендерном сдвиге см.: *Хаховская Л.Н.* Гендерный аспект урбанизации коренных народов Магаданской области // *Женщина в российском обществе*. 2016. № 3. С. 63–72.

²³ Анадырский район Чукотского национального округа (ЧНО).

²⁴ ГА МО, ф. П-22, оп. 1, д. 492, л. 51; д. 531, л. 12.

²⁵ Там же, д. 636, л. 7.

²⁶ Там же, ф. П-355, оп. 2, д. 83, л. 28; ф. П-12, оп. 1, д. 40, л. 32.

культурных навыков жилища, например, передвижные неразборные домики, типа долганского балка. Однако по ряду причин эти инновации успеха не имели, в тундре прижилась лишь обычная двускатная палатка, длительное время сосуществовавшая с ярангой.

Рекомендации о правильном ведении домашнего хозяйства, адресованные аборигенкам, подкреплялись обучающими, агитационными и контролирующими акциями: «[В колхозе “Путь к коммунизму”] провели расширенное заседание женсовета... раскрепили женский актив за ярангами для повседневной работы среди женщин по внедрению культуры в быт. На второй день на общее собрание пришли все женщины причисленные, с чистыми лицами и руками, а перед этим в магазине разобрали всё туалетное мыло и гребёнки»²⁷. Степень соблюдения чистоты теперь стала предметом публичного обсуждения, в практику вошли походы членов женсовета по ярангам с выставлением оценок и оформлением стенгазет. Приезжим женщинам из числа активисток вменялось в обязанность учить аборигенок навыкам приготовления новых блюд, использованию экзотических для них продуктов.

Государственные органы устанавливали контроль и над такой скрытой и даже табуированной в традиционном обществе женской сферой, как репродукция. Проводилась последовательная медикализация родовспоможения, так как роды в жилищах, тем более в условиях тундры, считались не только культурной отсталостью, но и чрезвычайно вредной для жизни практикой. Пребывание беременных женщин, рожениц и младенцев в оленеводческих бригадах рассматривалось как нежелательное, угрожающее их здоровью: «Новорожденные дети остаются в пологе без всякого присмотра... Дети сразу помещаются в олени мешки с подложенным мхом или травой, которые загрязняются мочой и испражнениями и сменяются не всегда ежедневно. Дети не купаются длительный период. Мы встретили в оленеводческой бригаде (колхоз “Имени Ленина”)²⁸ ребёнка 6 месяцев, который ни разу не мылся с момента рождения, был весь покрыт твёрдыми корками. Кожа у детей загрязнена до предела»²⁹.

Уже в первые советские годы было решено вывозить рожениц в посёлки, проводить роды в медицинских учреждениях, устраивать детей в ясли, детские сады и интернаты. В Чукотском районе, согласно материалам Комитета Севера, в 1929 г. зафиксировали «факт нескольких родов чукчанских женщин в больнице», а в более отдалённом — Чаунском — это произошло пятью годами позже: «Большим событием для больницы было в 1934 г. принятие родов от одной чукчанки»³⁰. Среди местных оленеводов, большинство которых даже во второй половине 1940-х гг. вели единоличное хозяйство и стремились избежать любых (кроме торговых) контактов с советской властью, подобные случаи оказывались крайне редкими. Только для активной части чукотского общества вопросы, связанные с родовспоможением, перестали быть прерогативой исключительно женщин. Роды жён не на дому, а в больнице даже считались чем-то вроде показателя культурного статуса мужчин-аборигенов: «Коммунисты и сочувствующие из чукоч учатся в ликбезах и аккуратно посещают школы партийного просвещения,

²⁷ Там же, ф. П-22, оп. 1, д. 531, л. 12.

²⁸ Чукотский район ЧНО.

²⁹ ГА МО, ф. П-22, оп. 1, д. 636, л. 13.

³⁰ *Фетисов А.* Чукотская культбаза // Советская Чукотка. 1958. 9 мая; *Фетисов А.* Чаунская культбаза // Там же. 29 августа.

стали носить бельё, костюмы, умываются, некоторые чистят зубы, идут в баню, жёны их уже в 1934 году стали родить в больнице»³¹.

Однако вследствие существенной разницы в темпах приобщения к европейской цивилизации мужчин и женщин, в семьях чукотских активистов порой воцарялся разлад. Таковы, например, были семейные обстоятельства 21-летнего чукчи Г.Е. Канта, в 1945 г. секретаря Восточно-Тундровского райкома комсомола. Выяснилось, что Кант «дерётся с женой и бьёт ребёнка», поскольку «жена совершенно не хочет заниматься семьёй. Посуду приходится мыть самому, а также стирать бельё». Из объяснения мужчины становится понятно, что причина — в несоответствии уровня его повседневной жизни той норме, которая утвердилась в партийной и советской среде: «Дома у меня не всё в порядке. Иногда бывают ссоры, а иной раз и драка. Дело в том, что моя жена очень отсталая и не желает устроить культурно наш дом»³².

Переход на европейскую модель в сфере быта стал ощутим к началу 1950-х гг., когда не только береговые жительницы, но и труженицы тундры стали выдвигать перед органами власти соответствующие требования: «Нам нужно бельё, платки красивые, платья, пальто, нам также нужны котлы, кружки, чашки, чайная посуда, чтобы у нас чаще были медработники»; «нужны палатки, чтобы было хорошо в них устроено, железные печки, тазы, полотенца. А наши торговые работники в бригадах не бывают, а поэтому мы не можем купить мыла, сахара, чаю. Медработники также в бригадах не бывают»³³.

Регулирование семейно-брачных отношений

Советская власть провозгласила на Чукотке равноправие женщин в сфере семейно-брачных отношений, что повлекло за собой борьбу с теми особенностями традиционного уклада, которые стали квалифицироваться как реакционные социальные пережитки. В их число вошли институты: многожёнства, отработки за жену, переменного брака («товарищество по жене»), а также половая до- и внебрачная свобода женщин, на которую в чукотском обществе смотрели сквозь пальцы. В поле зрения советской администрации попадали прежде всего конкретные жизненные ситуации аборигенов-активистов. Так, 12 мая 1937 г. в Чаунском райкоме ВКП(б) рассматривался случай чукчи Тынанеквата, который, по-видимому, сам обратился за помощью к органам власти. Высказывания участвовавших в обсуждении его проблемы мужчин и женщин отражают различную степень восприятия ими нового мировоззрения и вовлечённости в советский активизм. Приведём отрывок протокола этого заседания:

«Ранавкав [чукча]: Пелягыргын с моего брата Карамкина взял две пачки патронов и одну пыпу жиру³⁴ за свою дочку, а потом дочку не отдал. Сейчас за эту же дочку работает Тынанекват.

Ечин [чукчанка]: Пусть берёт Тынанекват девушку, а если [Пелягыргын] не даёт, то пусть его Тынанекват отругает, бросит это дело и уйдёт.

Рультенеут [чукчанка]: Я не знаю, как поступить.

³¹ ГА МО, ф. П-355, оп. 4, д. 14, л. 5.

³² Там же, ф. П-39, оп. 4, д. 11, л. 33, 33 об.

³³ Там же, ф. П-22, оп. 1, д. 492, л. 2, 6.

³⁴ Пыпа жира — тюлений или моржовый жир, помещённый в пыг-пыг — снятую чулком шкуру мелкого ластоногого (тюленя).

Тынанекват: Пока у меня было много денег, мне Пелягыргын говорил, что женись на моей дочери, а как мои деньги все растратил, то заявил, что теперь ещё отрабатывать год, вот я и работаю.

Кутувий [чукча, сын Пелягыргына]: Как же поступить с отцом? Почему он так делает?

Рольтынват [чукча]: Если хочет Вельхвына идти за Тынанеквата, то пусть идёт, а если [Пелягыргын] будет так торговать детьми, то тогда Пелягыргына надо отправить на Колыму, потому что он нарушает советский закон. А советский закон нужно выполнять.

Кутувий: Я давно не был дома, не говорил с отцом. Спрашиваю Тынанеквата, обижают ли его Пелягыргын. Тынанекват говорит, что его не обижал Пелягыргын»³⁵.

Прецедент с Тынанекватом стал особым поводом для пропаганды нового подхода к браку: «Советский закон хороший и надо о нём рассказать всем чукчам в тундре. А товарищу Тынанеквату не отрабатывать себе жену, а спросить девушку, если она хочет идти за него замуж, то жениться на ней... рассказать советский закон против многожёнства и отработки жён среди женщин-чукчанок и добиваться, чтобы этот закон не нарушался»³⁶. Оработку за жену, срок которой мог исчисляться годами, советская администрация рассматривала как эксплуатацию труда, основанную на имущественном неравенстве, а институты многожёнства, товарищества по жене, до- и внебрачной свободы квалифицировала как основанную на неравноправности полов сексуальную эксплуатацию женщин. С этими проявлениями социальной дискриминации местные органы власти вели борьбу путём изменения самосознания женщин: «Организовать регулярное проведение бесед с туземками... по изжитию религиозно-бытовых пережитков, указывая на... недопустимость передачи жён на ночь приезжим гостям, санпросвещение и т.п.»³⁷.

Вместе с тем сама ситуация постоянного проживания на Чукотке значительного числа пришлого населения, состоявшего преимущественно из одиноких мужчин, приводила к тому, что определённые стереотипы традиционного поведения женщин не искоренялись, а, напротив, воспроизводились. Из-за гендерной асимметричности состава прибывавших на Чукотку кадров «женский вопрос» приобретал характер насущной жизненной проблемы. Личная неустроенность заставляла некоторых советских работников искать свою «вторую половину» среди аборигенок, для чего требовался выезд на места, поскольку в районных центрах, местах сосредоточения советских структур в рассматриваемый период местное население было немногочисленным: «Люди ездят в командировки не для отдачи себя делу, а ищут себе невест и привозят их в Певек»³⁸. Всё же значительная часть приезжих мужчин предпочитала не обременять себя узами брака: «Многие наши районные работники сами не показывают примеров в поведении, на глазах местного населения устраивают пьянки и дебоши, часто неправильно относятся к местной женщине»³⁹. Под «неправильным отношением» имелись в виду внебрачные связи с аборигенками, которые зачастую принимали уродливые формы.

³⁵ ГА МО, ф. П-355, оп. 4, д. 14а, л. 13 об.

³⁶ Там же, л. 14.

³⁷ Там же, ф. П-22, оп. 1, д. 3, л. 155, 156.

³⁸ Там же, ф. П-355, оп. 2, д. 70, л. 15.

³⁹ Там же, ф. П-12, оп. 1, д. 77, л. 72.

Известный писатель Н.Е. Шундик, в первой половине 1940-х гг. работавший заведующим Красной Ярангой Усть-Чаунского сельсовета⁴⁰, в одном из отчётов написал: «Возьмём посёлок Реткучи... русские... допускают большие извращения во взаимоотношении с женщинами-чукчанками. Мне очень много пришлось слышать, как кочевники с гадливостью, с презрением рассказывали про бесстыдные акты половой связи у них на глазах... дальстроевцы из оленесовхоза⁴¹ покупали девушек в Реткучи за одну папиросу табаку... Посмотрите, что получается. Мы учим людей, прививаем им культуру. Девушка учится, становится чистой, интересной. Не успела девушка обтесаться, а за нею уже увиваются десятки русских донжуанов, идут на обман, на домогательство»⁴².

По мнению партийных работников, такое положение стало возможным из-за присущей чукотским женщинам «лёгкости взглядов на половую связь» и «половой распушенности»⁴³. Стоит отметить, что этнограф И.С. Вдовин, с 1930-х гг. работавший на Чукотке, придерживался сходного мнения об укоренённости вольного поведения аборигенов в традиционном укладе⁴⁴. В свою очередь, некоторые чукчи-активисты, просвещённые новой властью, выдвигали прямо противоположную версию причин готовности чукотских женщин идти на кратковременные любовные отношения. Воспитанник Чаунской культурной базы и ленинградского Института народов Севера Гай-Рольтынват в начале 1940-х гг. отмечал: «Очень много проституток стало. А ведь этого у нас не было. Это вы, русские, сделали. И воровству тоже нас научили, и громкой брани»⁴⁵. Данное высказывание аборигена на самом деле является, как ни парадоксально, взглядом с внешней стороны, поскольку применяет негативную оценочную категорию к тем явлениям, которые воспринимались внутри культуры как норма.

Партийная дисциплина тех лет требовала пресекать внебрачные связи руководящих работников с местными женщинами. Вместе с тем порочащие сведения такого характера использовались как инструмент во внутрипартийной борьбе между старыми и новыми элитами. Так, в Чаунском районе в 1933 г. шёл процесс замены состава районного комитета ВКП(б). Одного из партийцев обвиняли в том, что он «в пьяном виде насиловал Рультыну, оборвал ей керкер»⁴⁶. Девушку попросили написать заявление, и оказалось, что всё было несколько иначе: «В одну из ночей к нам в ярангу пришёл Кругляк Григорий Иосифович. Я спала в пологе, он схватил меня за ворот керкера, начал дёргать и порвал его, когда я спросила, что он хочет, он говорит, что давай пить водку и опять полез ко мне, я оттолкнула его, сказала, чтоб уходил, в это же время в пологе был Тумнатен и они вместе пошли на пароход, где... пьянствовали, по словам Тумнатена... Кругляк, явно имевший целью изнасиловать меня... отстал... уйдя на пароход»⁴⁷.

Моральное разложение пытались приписать начальнику Чаунской культбазы А.И. Романову, пытавшемуся быть независимым от районных организаций. В 1936 г. в ход пошло заявление чукчанки Кергетваль о намерении этого человека

⁴⁰ Чаунский район ЧНО.

⁴¹ Совхоз «Певек», входивший в систему снабжения Дальстроя.

⁴² ГА МО, ф. П-355, оп. 2, д. 39, л. 12.

⁴³ Там же, ф. П-22, оп. 1, д. 636, л. 14.

⁴⁴ *Хаховская Л.Н.* «Товарищество по жене» как феномен этнической истории чукчей // *Этнографическое обозрение*. 2016. № 4. С. 91.

⁴⁵ ГА МО, ф. П-355, оп. 2, д. 39, л. 12.

⁴⁶ Там же, оп. 4, д. 1а, л. 50.

⁴⁷ Там же, д. 4, л. 159, 159 об.

сделать её своей второй женой⁴⁸. Новое разбирательство показало, что обвинение было вымышленным, направленным на дискредитацию Романова. Выяснилось также, что ранее Кергетваль неоднократно подавала заявления в профсоюзный комитет культбазы с просьбой заставить местного охотника, В. Малькова, жениться на ней⁴⁹. В 1939 г. признания о порочной связи с Кергетваль требовали уже от начальника полярной станции мыса Шелагский В.А. Каяйкина: «Каяйкину нужно по-честному признаться, что имел половое сношение с национальной Кергетваль»⁵⁰. Так гендерные взаимоотношения, выйдя из круга традиционной культурной нормы, в межэтническом социальном и институциональном пространстве приобретали новое качество, нередко становясь орудием политических манипуляций.

Между тем аборигены, особенно в оленеводческой среде, отнюдь не придерживались регулировавших семейно-брачные отношения советских законов (да и осведомлены о них были слабо). 30 октября 1955 г. Гай-Рольтынват в одном из писем отметил по поводу чаунских кочевников: «До сих пор среди большинства мужчин и женщин не налажены в законном порядке брачные отношения (любой мужчина может спать с любой женщиной независимо от их бракосочетания)»⁵¹. Партийный руководитель Чаунского района годом позже констатировал: «Культурный уровень местного населения крайне низок... Вы встретите многожёнство... До сих пор имеются факты брака в 14–15-летнем возрасте, не налажена регистрация браков... Тыневги из колхоза “Энмитагино” живёт с двумя жёнами. Эттувги-Чокво, из колхоза “Большевик”, живёт с двумя жёнами, Тынелькут — с тремя жёнами»⁵².

Традиционная организация семейного уклада чукотских аборигенов оказалась весьма устойчивой ещё и потому, что привычные гендерные стереотипы переносились на межэтнический уровень. Они воспроизводились достаточно активно, так как со стороны аборигенов в межэтнические связи вступали почти исключительно женщины. Их привычное поведение отчасти совпадало с установками временщиков, свойственными определённой части пришлых мужчин, вольно или невольно попадавших на Чукотку.

Таким образом, в начавшемся социалистическом переустройстве Чукотки гендерные проблемы весьма остро проявились в политической, социально-экономической и этической сферах. Государственная политика была направлена на личностную и общественную эмансипацию чукотских женщин, однако по ходу реализации проекта модернизации существенные коррективы вносили возникавшие при этом проблемы и давление на местное общество не изжитого в крае традиционного уклада.

⁴⁸ Там же, д. 1а, л. 199.

⁴⁹ Там же, д. 10, л. 49–50.

⁵⁰ Там же, д. 23а, л. 4.

⁵¹ Там же, оп. 1, д. 56, л. 41.

⁵² Там же, д. 48, л. 76, 77.